

РД
68
6

В. Г. КОРОЛЕНКО

~~С~~

НА ЗАТМЕНИИ

~~000~~

~~ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧИТ. ЗАЛ
ГОРДОБА
И. П. ШУВАЛОВ~~

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1945

民國二十九年

10.~

60 68
82

К-68

В. Г. КОРОЛЕНКО

НА ЗАТМЕНИИ

(ОЧЕРК С НАТУРЫ)

Рисунки В. Ермолова

37804

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1945

Редактор А. Котов.

Сдано в набор 26/V 1945 г. Подписано к печати 15/VI 1945 г.
A13107. Тираж 50 000 экз. 2 печ. л. 1,4 уч.-изд. л.
Зак. № 1237. Цена 1 руб.

Ф-л типография треста «Полиграфкнига» Огиза при
СНК РСФСР.
Москва, 1-й Самотечный, 17.

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
900

ПРЕДИСЛОВИЕ

9 июля 1945 года во второй половине дня население Советского Союза сможет наблюдать редкое и величественное явление природы — солнечное затмение. Если в это время облака не закроют солнце, то всякий увидит, как оно постепенно станет убывать, принимая форму ушербленной луны. Затем, по истечении некоторого времени, солнце вновь примет свой обычный вид.

Но на узенькой полоске шириною примерно в 50—80 километров, тянущейся от Ладожского озера через Рыбинское водохранилище и Самарскую луку к казахстанским просторам, произойдет полное затмение солнца. И все, кому доведется быть здесь в это время, увидят, как в ясный день солнце вдруг совсем исчезнет и на его месте появится черный кружок, окаймленный красивым серебристо-жемчужным сиянием — короной. Это — солнце скрылось за луной. Вся природа, как зачарованная, примет совершенно своеобразный вид.

Так будет продолжаться очень недолго, меньше одной минуты. Затем из-за черного заслона брызнет луч солнечного света, и природа вновь оживится. Солнечный свет станет прибывать по мере того, как темная луна будет сходиться с ослепительно яркого кружочка солнца. Спустя немного времени уже ничто в природе не будет напоминать о только что развернувшемся величественном явлении.

Полное затмение солнца наблюдалось также 19 августа 1887 года; ему-то и посвящен рассказ В. Г. Короленко «На затмении». Писатель специально поехал тогда в Юрьевец, один из городков б. Костромской губернии, откуда можно было наблюдать полное солнечное затмение.

День 19 августа 1887 года выдался пасмурный почти во всей Европе. В Петербурге лил дождь, в Москве стоял туман. В Клину, где знаменитый ученый Менделеев поднялся на воздушном шаре, чтобы наблюдать затмение с заоблачных высот, тоже было пасмурно.

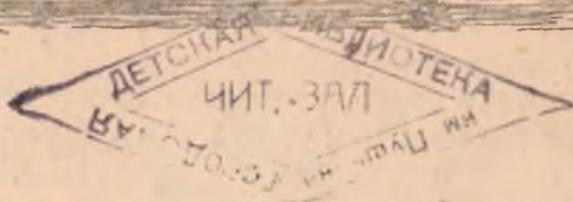
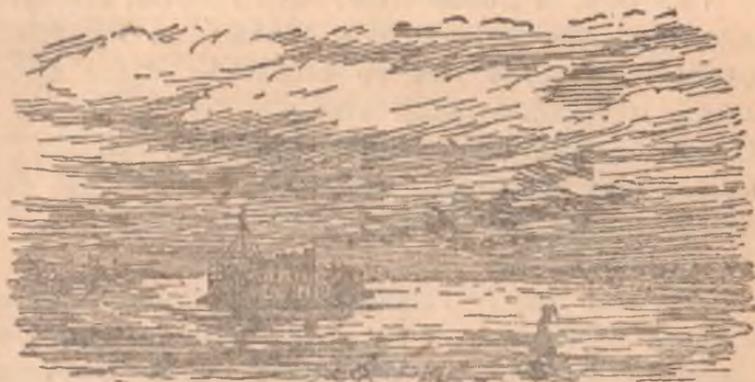
Но Короленко посчастливилось. Перед самым началом затмения в Юрьевце небо прояснилось. Великолепная корона солнца была видна хорошо, хотя и сквозь прорывы туч и легких облаков.

Величественное явление природы описано в рассказе Короленко так мастерски, что перед читателем картина оживает во всей своей красочности и захватывающей силе. От тонкой наблюдательности писателя не ускользнули ни нежные и необычные оттенки цветов, в которые окрашивается природа, ни стремительное движение лунной тени, окутывающей собою и небо и землю.

Но Короленко не ограничивается простым описанием явления природы. Как и в других своих рассказах, писатель поднимает здесь большие общественные вопросы. Полный заботы о людях труда, веря в великое будущее родины, Короленко спрашивал тогда: «...скоро ли будет день на святой Руси?»

С тех пор как были написаны эти строки, прошло почти 60 лет, но вторую половину этого времени составили совершенно особые годы — годы созидания социалистического государства. Уже давно «рассеялись призраки», которые мучили Короленку. В нашей жизни нет места суеверию, о котором рассказал писатель. Великая Октябрьская социалистическая революция разогнала тьму, рассеяла вековое затмение, окутывавшее сознание народа. Необылицы, не вера в чудеса служат теперь духовной пищей народа, а наука, правда, знание, разъясняющие причину того, что происходит в мире.

Проф. В. Тер-Оганезов

I

Продолжительный пароходный свисток. Я просыпаюсь. За тонкою стенкой парохода вода, кипучая колесом на обратном ходу, плещет, стучит и рокочет. Свисток стонет сквозь этот шум, будто издалека, жалобно, протяжно и грустно.

Да, я еду смотреть затмеше в Юрьевец. Пароход должен был притти туда в 2 $\frac{1}{2}$ часа ночи. Я только недавно заснул и теперь уж надо вставать. Приходится ждать несколько часов где-нибудь на пустой улице, так как в Юрьевце гостиниц нет.

Какова-то погода? Я гляжу из окна. Пароход уже остановился; волна, разбегаясь от бортов, чуть поблескивает и теряется в темноте. Дальний берег слабо виден во мгле, небо покрыто тучами, в окно веет сыростью,—предвестники не особенно благоприятные для наблюдений...

Кое-кто из пассажиров подымается. Лица сонные и не совсем довольные. Между тем, снаружи слышно движение, кинуты чалки на пристань. «Готово!»—кричит чей-то сильный, будто отсыревший и недовольный голос.

Пока я собираюсь, один из пассажиров, по виду мелкий волжский торговец, успел уже сбегать на пристань и верчуться на пароход. Он едет до Рыбинска.

— Ну, что там?—спрашивает у него товарищ, лежащий на скамье, в бархатном жилете и косоворотке. Оба они не особенно верят в затмение.

— Кто его знает,—отвечает спрошенный,—дождик не дождик, так что-то. А на берегу, слышь, башня видна и на башне остроум стоит.

— Ну?

— Ей-богу! Поди хоть сам посмотри.

Уж несколько дней в народе ходят толки о затмении и о том, что в Нижний съехались астрономы, которых серая публика зовет то «остроумами», то «астроломами». Слова эти часто слышны теперь на Волге и звучат частью проницательно («Иностранцы остроумы! Больше бога знают...»), частью даже враждебно, как будто поднятая ими суета и непонятные приготовления сами по себе могут накликать грозное явление. Вчера с вечера брошюра «О солнечном затмении 7 августа 1887 года» мелькала среди простой публики. В ней объяснялось, что такое затмение и почему удобно наблюдать его, между прочим, из Юрьевца. Но большинство пассажиров третьего, а также значительная часть второго класса отослались к ней сдержанно и даже с оттенком холодной вражды.

Люди же «старой веры» избегали брать ее в руки и предостерегали других.

Я выхожу. Пристань стоит довольно далеко от берега. С нее кинуты жидкие мостки, и ее качает ветром, причем мостки жалобно скрипят, визжат и стонут. Наш пароход уйдет дальше, между тем небольшая комната на пристани полна. Сонные, усталые и как будто чем-то огорченные

пассажиры все прибывают. Снаружи, вместе с ветром, в лицо веет отсырью и по временам морсит. Пробирает озноб.

Городишко, растянувшийся под горой по правому берегу, мерцает кое-где то белою стеной, то слабым огоньком, то силуэтом высокой колокольни, поднимающейся в мглистом воздухе ночи. Гора рисуется неопределенным обрезом на облачном небе, покрывая весь пейзаж угрюмою массою тени. На реке, у такой же пристани, как папа, молчаливо стоит «Самолет», который при-

вез сюда экстренным рейсом «ученых» из Нижнего, а за рекой, на луговой стороне, догорает пожарище: с вечера загорелся лесной склад, и теперь огошь, как бы насытившись и уставши за ночь, вьется низко над землей, то застилаясь дымом, то опять вставая острыми гребнями пламени. Дремота, почь, плеск реки, стон пристаней и мостков в предутренней темноте, отсвет пожара и ожидание необычайного события — все это настраивает воображение, и взгляд мой невольно ищет башни, с стоящим на ней «остроумом», хотя, впрочем, я отлично понимаю, что это нелепость, тем более, что фигура на башне решительно не могла бы быть видима в такой темноте. Однако, проходя по палубе, загроможденной рабочими, я слышал те же разговоры; многие вглядывались и видели: стоит на башне и чего-то караулит среди ночных туманов.

Вглядевшись, в свою очередь, я различаю высокий контур, врезавшийся в небо. Сильно подозреваю, что это труба завода, что и оказывается справедливым. Мои собеседники вспоминают, что, действительно, в этом месте стоит всем хорошо знакомый завод. Легенда падает.

Оказывается, что пароход еще постоит за темнотою; обрадованная и озябшая публика кидается опять в каюты. Открывают буфет, заспанные лакеи бегают с чайниками и подносами. На палубе идет тихий говор, кое-где читают молитвы и обсуждают признаки пришествия антихриста... Один из этих признаков имеет чисто местный характер. Какой-то старик рассказывает слушателям, что в Юрьевец приехал немец-остроум и склоняет на свою сторону парод. Гришка с завода продан уже за 25 рублей...

— Да, ведь, это его в караульщики наняли, к трубам,— объясняет кто-то из темноты.

— В караульщики!.. А крест да пояс зачем приказал снять? Как это поймешь?

Это, действительно, понять трудно. Среди собеседников водворяется молчание.

Через некоторое время я взглянул в окно каюты: небо белеет, на нем проступают мгlistые очертания туч, ползущих от севера к югу.

II

Часу в четвертом мы сошли на берег и направились к городу. Серело, тучи не расходились. У пристаней грузными темными пятнами стояли пароходы. На них не заметно было никакого движения. Только наш начинал «шуровать», выпускал клубы дыма и тяжело сопел, лениво собираясь в ранний путь.

Берег был еще пуст. Ночные сторожа одни смотрели на кучку неведомых людей, проходивших вдоль береговых улиц... Смотрели они молчаливо, но с каким-то угрюмым вниманием. Они поставлены «для порядку», а тут и в природе готовится беспорядок, и неведомые люди пивесть зачем спозаранку пробираются в мирный и ни в чем неповинный город.

— Дозвольте спросить,— обратился один из стражей к кучке молодых господ, проходивших впереди меня,— нешто, к примеру, в других городах этой планиды не будет? На нас одних господь посылает?

Господа засмеялись и пошли дальше. Сторож постоял, посмотрел нам влед долго, внимательно-

но, раздумчиво и вдруг застучал трещоткой. Ему отозвались другие, потом залаяли собаки. «Начальство позволяет, не пустить этих полуночников пельзя, а все-таки... поберегайся!»— вероятно, это именно хотел сказать юрьевчанин своею трещоткой, со времен Алексея Михайловича, а может быть еще и ранее предупреждающе чутко спящий городок о лихой невзгоде, частенько-таки налетавший по ночам с матушки Волги.

И городок просыпается. Я нарочно свернул в переулок, чтобы пройти по окраине. Кое-где в лачугах у подножия горы видне-

лись огоньки. В одном месте слабо сияла лампадка, и какая-то фигура то принадала к полу, то опять подымалась, очевидно, встречая день знамения господня молитвой. В двух-трех печках виднелось уже пламя.

Вот скрипнула одна калитка; из нес вышел древний старик с большою се-

дой бородой, прислушался к благовесту, посмотрел на меня, когда я проходил мимо, суровым, внимательным взглядом и, повернувшись лицом к востоку, где еще не всходило солнце, стал усердно креститься.

Открылась еще калитка. Маленькая старушка торопливо выбежала из нее, шарахнулась от меня в сторону и скрылась под темною линией забора.

— А, Семеньч! Ты, что ли, это?— вскоре услышал я ее придавленный голос.— Правда ли, нынче будто к ранней обедне пораньше ударят? Сказывали, до *этого* чтоб отслужить... Батюшки-светы! Глянь-ко, Семеньч, это кто по горе экую рань ходит?

Часть пароходной публики, вероятно, от скуки взобралась на гору. Фигуры рисуются на светлеющем небе резко и странно. Одна, вероятно, стоящая много ближе других на каком-нибудь выступе, кажется неестественно громадною. Все это в ранний час этого утра, перед затмением, над испуганным городом производит какое-то резкое, волшебное, небывалое впечатление...

— Носит их, супостатов!— угрюмо ворчит старик.— Приезжие, надо быть...

— И то, сказывали вчерась: на четырех пароходах иностранные народы приедут. К чему это, родимый, как понимать?

— Власть господня,— угрюмо говорит Семеныч и, не простившись, уходит к себе. Старуха остается одна на пустой улице.

— Господи-и-и, батюшко!— слышу я жалостный, испуганный старческий голос, и торопливые шаги стихают где-то в тени по направлению к церкви. Мне становится искренно жаль и эту старушку, и Семеныча, и весь этот напуганный люд. Шутка ли, ждать через час кончину мира! Сколько призрачных страхов носится еще в этих сумеречных туманах, так густо нависших над нашею святою Русью!..

В окнах хибарки, только что оставленной старушкой, мерцал огонек зажеженной ею лампадки, и петух хрипло в первый раз прокричал свое кукареку чуть слышно из-за стенки.

На святой Руси петухи кричат,
Скоро будет день на святой Руси... —

неизвестно откуда всплыло в моей памяти прелестное двестишестидесятилетнее давно забытое стихотворение, от которого так и дышит утром и рассветом... «Ох, скоро ль будет день на святой Руси,— подумал я невольно,— тот день, когда рассеются призраки, недоверие, вражда и взаимные недоразумения между теми, кто смотрит в трубы и исследует небо, и теми, кто только припадает к земле, а в исследовании видит оскорбление грозного бога?»

А вот и укрепленный лагерь «остроумов».

На небольшом возвышении у берега Волги, по соседству с заводом, которого высокая труба казалась нам ранее башней, на скорую руку построены небольшие балаганчики, обнесенные низкой дощатою оградой. В ограде, на выравненной и утрамбованной площадке стоит медная труба на штативе, вероятно, секстант, установленный по меридиану. Из-под навеса пацелились в небо телескопы разного вида и разных размеров. Все это еще закрыто кожаными чехлами и имеет вид артиллерии в утро перед боем. А вот и войско. Укрывшись щитами, спят несколько городских и крестьян-караульных, «согнанных» из деревень. Какой-то бородатый высокий мужик важно рассказывает по площадке. Это — главный караульщик, приставленный от завода, тот самый Гришка, который за 25 рублей согласился спать с себя не только крест, но и пояс, и таким образом приобщился к тайнам остроумов. В настоящую минуту, когда я подхожу к этому месту, он активно проявляет свою роль. Какой-то предприимчивый парень, прикинувшись спавшим за оградой, подполз к самой большой трубе, и Гришка поймал его под него. Хотел ли он взглянуть в закрытую чехлом трубу, чтобы подглядеть какую-нибудь неведомую тайну, или у него были другие, менее безобидные намерения, но только Гришка горячился и покушался схватить его за ухо.

— Дяденька, да, ведь, я ничего.

— То-то ничего! Вот экой же дураком намедни все трубы свертел, полдня после наставляли...

Нешто можно касаться? Она, труба-те, не зря ставится.

Гришка, видимо, апеллирует к публике, сомкнувшейся около ограды и, быть может, простоявшей здесь с самого вечера. Но публика не на его стороне.

— Где уж зря! — вздыхает кто-то.

— Не надо бы и ставить-то...

— Жили, слава-те господи, без труб. Живы были.

Какой-то серый старичишко выделяется из проходившей на фабрику кучки рабочих и подходит к самой ограде.

— Здравствуй, Гриш!

— Здравствуй.

— Караулишь?

— Караулю.

— Та-а-к.

— Мне что-ка не караулить, — вдруг обижа-

ся Гриша, — ежели я хозяином приставлен.

— Нешто это дело хозяйско?

— Меня ежели приставили, я должен исполнять...

— Двадцать пять рублей, сказывают, дали... Не дешевенько ли, смотри! Охо-хо-хо-о...

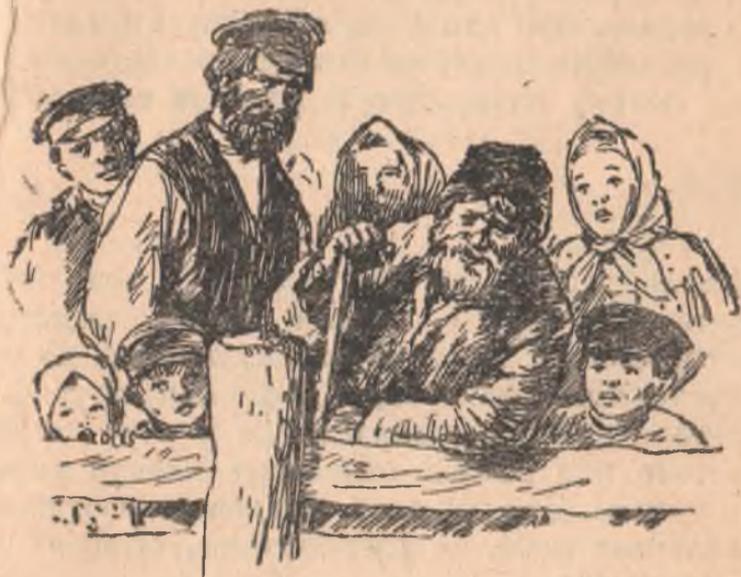
— Ну, хоть поменьше дадут, и на этом спасибо. Да ты што?.. Что тебе? Небось, самого к бочке приставили, два года караулил.

— Бочка... Вишь, к чему прировнял, — подхватывает кто-то в публике.

— Бочка много проще. Бочка, брат, дело русское, — язвит старик. — А это, вишь ты, штука мудреная, к бочке ее не прировняешь. Охо-хо-хо-о!

Разговор становится более общим и более оживленным. Замечания вылетают из толпы, точно

осы, все чаще, короче, язвительнее и крепче, приобретая постепенно такую выразительность, что это привлекает бдительное внимание двух полицейских.

— Осади, осади, отдай назад! — вмешиваются они, принимая, по долгу службы, сторону Гриши, и стеной оттесняют зевак. Толпа «отдает назад» и останавливается как-то пассивно в том месте, где ее оставляют полицейские. Ее настроенье неопределенно. Фабричный — человек тертый. Он сомневается, недоумевает, отчасти опасается,

по свои опасения выражает только колкою насмешкой; ребятам и подросткам просто любопытно, а может быть они уже кое-что слышали в школе. Настоящий же страх и прямое нерасположение к «ученым» и «иностранным пародам» заключились в стенах этих избушек, по окраинам, где робко мерцают всю ночь лампадки...

Говорили, что накануне собирались было кто-кто разметать инструменты и прогнать остроумов, почему начальство и приняло свои меры.

IV

Светает все более. На востоке стоят почти неподвижно густые дальние облака, залегшие над горизонтом. Повыше плывут темные, по уже не такие тяжелые тучи, а под ними, клубясь и быстро скользя по направлению к югу, несутся невысоко над землей отдельные клочки утреннего тумана. Эти три слоя облаков то сгущаются, заволакивая небо, то разрежаются, обещая кое-где просветы.

Вот образовалась яркая щель, точно в стене темного сарая на рассвете; несколько лучей столбами прорвались в нее, передвинулись радиусами и потухли. Но свет от них остался. Река еще более побелела, противоположный берег приблизился, и огонь пожара, лениво догоравшего на той стороне Волги, стал меркнуть: очевидно, за дальнейю тучей всходило солнце.

Я пошел вдоль волжского берега.

Небольшие домишки, огороды, переулки, кончавшиеся на береговых песках,—все это выступает яснее в белесой утренней мгле. И всюду

зреваю, что это именно он почерпнул эти мрачные пророчества в какой-нибудь древней книге, в изъеденном молью кожаном переплете. Половина пророчества не оправдалась: солнце поднимается в обычном месте. Старец молчит, и по его лицу трудно разобрать, доволен ли он, как и прочие бесхитростные люди, или, быть может, он предпочел бы, чтобы солнце сошло с предначертанного пути и мир пошатнулся, лишь бы авторитет кожаного переплета остался неизблем. Все время он стоял молча и затем молча же удалился, не поделившись более ни с кем своею дряхлою думой.

— Полно-те,— успокаиваю я напуганных до истерики женщин,— только и будет, что солнце затмится.

— А потом... Что же, опять покажется, или уж... вовсе?..

— Конечно, опять покажется.

— И я думаю так, что пустяки говорят все,— замечает другая, побойчее.— Планета, планета, а что же такое? Все от бога. Бог захочет—и без

планеты погибнем, а не захочет — и с планетой
живы останемся.

— Пожалуй, и пустое все, а страшно, — слезливо говорит опять первая. — Вот и солнышко в своем месте взошло, как и всегда, а все-таки же... Господи-и... Сердешное ты наше-её... На зорьке на самой не весело подымалось, а теперь, гляди, играет роди-и-и-мое...

Действительно, из-за тучи опять слабо, точно улыбка больного, брызнуло несколько золотых лучей, осветило какие-то туманные формы в облаках и погасло. Женщины умиленно смотрят туда, с выражением какой-то особенной жалости к солнцу, точно к близкому существу, которому грозит опасность. А невдалеке трубы и колеса стоят в ожидании, точно приготовления к опасной операции...

V

Я углубляюсь в улицы, соседние с площадью.

На перилах деревянного моста сидит борода-тый и лохматый мещанин в красной рубахе, задумчивый и хладнокровный. Перед ним старец вроде того, которого я видел на берегу, с острыми глазами, сверкающими из-под совиных бровей какою-то своею, особенною, злобною думой. Он трясет бородой и говорит что-то сидящему на перилах великану, жестикулирует и волнуется... Так как в это утро сразу как будто разрушились все условные перегородки, отделяющие в обычное время знакомых от незнакомых, то я просто подхожу к беседующим, здороваюсь и перехожу к злобе дня.

— Скоро начнется...

— Начнется?— вспыхивает старик, точно его ужалило, и седая борода трясется сильнее.— Чему начинаться-то? Еще, может, ничего и не будет.

— Ну, уж будет-то — будет наверное.

— Та-ак!.. А дозвоьте спросить,— говорит он уже с плохо сдерживаемым гневом,— нешто можно вам власть господню узнать? Кому это господь-батюшка откроет? Или уж так надо думать, что господь с вами о своем деле совет держал?

— Велико дело господне!..— как-то «вообще», грудным басом, произносит великан, глядя в сторону.— Было, положим, в пятьдесят первом году. Я мальчишком был мальем, а помню. Так будто затемнело, даже петухи стали кричать, испугалась всякая тварь. Ну, только что, действительно, тогда никто вперед не упреждал. Оно и того... оно и опять отъявилось. А теперь, вишь ты... Конечно, что... затен все.

— Д-да!— отчеканивает старец решительно и

зло.— Власть господнюю не узнать вам, это уж вы оставьте!.. Дуракам говорите, пожалуйста! «Затмение, планета!» Так вот по-вашему и будет...

Он смотрит на берег, где устроены балаганы, пскоса и сердито. Однако, когда я направляюсь туда, оба они следуют за мною, хотя и небрежно, очевидно, только со злою целью: посмотреть на глухих людей, которые верят пустякам... А может быть, при случае... Впрочем, команда полицейских поднялась уже вся, человек десять. Они отряхнулись от сырости, откашливаются и оправляются, смыкаясь около батареи псевдомых инструментов, покрытых холодною росой.

— Осади! Отдай назад! Осади! — произносят они дружно; голоса их, еще отсыревшие и несколько хриплые, звучат, тем не менее, очень внушительно.

VI

К балаганам подходят еще солдаты. Они уставляют ружья в козлы и располагаются у входа за ограду. Другая полурота марширует с барабанным боем и останавливается на берегу.

— Солдаты пришли, — шепчут в толпе, которая теперь лепится по бокам холмика, заглядывая за ограду. Мальчишки шпыряют в разных направлениях с беспечными, но заинтересованными лицами. Какой-то общительный немолодой господин раздает желающим стеклышки, смазанные желатином (увы! оказавшиеся негодными). В училнице, служащем временным приютом для приезжих ученых, открывается окно верхнего этажа, и в нем появляется длинная трубка, падающая

наяся на небо... «Астроломы» проходят один за другим к балагану. Старик-немец несет инструменты, с угрюмым и недовольным видом поглядывая на облака. Он ни разу не взглянул на толпу... Он приехал издалека нарочно для этого утра, и вот бестолковый русский туман грозит отнять у него ученую жатву. Профессор недовольно ворчит, пока его умные глаза пытливо пробегают по небу.

Впрочем, облака редуют, ветер все гонит их с севера: нижние слои попрежнему почти неподвижно лежат на горизонте, но второй слой движется теперь быстрее, расширяя все более и более просветы. Кое-где уже синее лазурь. Ключки ночного тумана проносятся реже и видимо тают. Солнце пыряет, то появляясь в вышине, то прячась.

Трубы установлены, с балаганов сняты брезенты, ученые пробуют аппараты. Лица их проясняются вместе с небом. Холодная уверенность этих приготовлений, видимо, импонирует толпе.

— Гляди-ко, батюшки, сама вертится!.. — раздается вдруг удивленный голос.

Действительно, большая черная труба с часовым механизмом, пушенным в ход, начинает заметно поворачиваться на своих странных погах, точно невиданное животное из металла, пробужденное от долгого сна. Ее останавливают после пробы, направляют на солнце и опять пускают в ход. Теперь она автоматически идет по кругу,

тихо, внимательно, зорко следя за солнцем в его обычном мгlistом пути. Клапаны сами открываются и закрываются, зияя матово-черными краями. Немец опять говорит что-то быстро, ворчливо и непонятно, будто читает лекцию или произносит заклинания.

Толпа удивленно стихает.

VII

Минутная тишина. Вдруг раздается звонкий удар маятника метронома, отбивающего секунды.

— Часы быют. Должно, шесть часов.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать,— нет, не часы... Что такое?!

— Началось!.. — догадывается кто-то в толпе, видя, что астрономы припали к трубам.

— Вот-те и началось, ничего нету,— небрежно и уверенно произносит вдруг в задних рядах голос старого скептика, которого я видел на мосту.

Я вынимаю свое стекло с самодельною ручкой. Оно производит некоторую ироническую сенсацию, так как бумагу, которой оно обклеено, я прилепил к ручке сургучом.

— Вот так машина! — говорит кто-то из моих соседей. — За семью печатями...

Я оглядываю свой инструмент. Действительно, печатей оказывается ровно семь — цифра в некотором роде мистическая. Однако, некогда заниматься кабалистическими соображениями, тем более, что моя «машина» служит отлично. Среди быстро пробегающих озаренных облаков я вижу ясно очерченный солнечный круг. С правой стороны, сверху, он будто обрезан чуть заметно.

Минута молчания.

— Ущербилось! — внятно раздается голос из толпы.

— Не толкуй пустого! — резко обрывает старец.

Я парочно подхожу к нему и предлагаю посмотреть в мое стекло. Он отворачивается с отращением.

— Стар я, стар в ваши стекла глядеть. Я его, родимое, и так вижу, и глазами. Вон оно в своем виде.

Но вдруг по лицу его пробегает, точно судорога, не то испуг, не то глубокое огорчение.

— Господи, Иисусе Христе, царица небесная...

Солнце тонет на минуту в широком мгlistом пятне и показывается из облака уже значительно ущербленным. Теперь уже это видно простым глазом, чему помогает тонкий пар, который все еще курится в воздухе, смягчая ослепительный блеск.

Тишина. Кое-где слышно первое, тяжелое дыхание, на фоне напряженного молчания метро-

ном отбивает секунды металлическим звоном, да немец продолжает говорить что-то непонятное, и его голос звучит как-то чуждо и странно. Я отглядываюсь. Старый скептик шагает прочь быстрыми шагами, с низко опущенною головой.

VIII

Проходит полчаса. День сияет почти все так же, облака закрывают и открывают солнце, теперь плывущее в вышине в виде серпа. Какой-то мужичок «из Пучежа» въезжает на площадь, торопливо поворачивает к забору и начинает выпрягать лошадь, как будто его внезапно застигла ночь и он собрался на ночлег. Подвязав лошадь к возу, он растерянно смотрит на холм с инструментами, на толпу людей с побледневшими лицами, потом находит глазами церковь и начинает креститься механически, сохраняя в лице все то же испуганно-вопросительное выражение.

Между тем, мальчишки и подростки, разочаровавшись в желатинных стеклах, убегают домой и оттуда возвращаются с самодельными, наскоро законченными стеклами, которых теперь появляется много. Среди молодежи царят беспечное оживление и лобозытство. Старики вздыхают, старухи как-то истерически ахают, а кто даже вскрикивает и стопет, точно от сильной боли.

День начинает заметно бледнеть. Лица людей принимают страшный оттенок, тени человеческих

фигур лежат на земле бледные, неясные. Пароход, идущий вниз, проплывает каким-то призраком. Его очертания стали легче, потеряли определенность красок. Количество света, видимо, убывает; но так как нет сгущенных теней вечера, нет игры отраженного па низших слоях атмосферы света, то эти сумерки кажутся необычны и странны. Пейзаж будто расплывается в чем-то; трава теряет зелень, горы как бы лишаются своей тяжелой плотности.

Однако, пока остается тонкий серповидный ободок солнца, все еще царит впечатление сильно побледневшего дня, и мне казалось, что рассказы о темноте во время затмений преувеличены. «Неужели,— думалось мне,— эта остающаяся еще ничтожная искорка солнца, горящая, как последняя, забытая свечка в огромном мире, так много значит?.. Неужели, когда она потухнет, вдруг должна наступить ночь?»

Но вот эта искра исчезла. Она как-то порывисто, будто вырвавшись с усилием из-за темной заслонки, сверкнула еще золотым брызгом и погасла. И вместе с этим пролилась на землю густая тьма. Я уловил мгновение, когда среди сумрака набежала полная тень. Она появилась на юге и точно громадное покрывало быстро пролетела по горам, по реке, по полям, обмахнув все небесное пространство, укутала нас и в одно мгновение сомкнулась на севере. Я стоял теперь внизу, на береговой отмели, и оглянулся на толпу. В ней царило гробовое молчание. Даже немец смолк, и только метроном отбивал металлические удары. Фигуры людей сливались в одну темную массу, а огни пожараща на той стороне опять приобрели прежнюю яркость...

Но это не была обыкновенная ночь. Было настолько светло, что глаз невольно искал серебристого лунного сияния, пронизывающего насквозь синюю тьму обычной ночи. Но нигде не было сияния, не было синевы. Казалось, тонкий, неразличимый для глаза, пепел рассыпался сверху над землей, или будто тончайшая и густая сетка повисла в воздухе. А там, где-то по бокам, в верхних слоях чувствуется озаренная воздушная даль, которая сквозит в нашу тьму, смывая тени, лишая темноту ее формы и густоты. И над всею смущенною природой чудною панорамой бегут тучи, а среди них происходит захватывающая борьба... Круглое, темное, враждебное тело, точно паук, впилося в яркое солнце, и они несутся вместе в заоблачной вышине... Какое-то сияние, льнущееся изменчивыми переживаниями из-за темного щита, придает зрелищу движение и жизнь, а облака еще усиливают эту иллюзию своим тревожным, бесшумным бегом.

— Владычице святая, господи-батюшко, помилуй нас, грешных!

И какая-то старушка набегает на меня, торпливо спускаясь с холма.

— Куда ты, тетка?

— Домой, родимый, домой: помирать, видно, всем, помирать с детками с малыши...

Вдоль берега, в сумраке, надвигается к нам какое-то темное пятно, из которого слышен смешанный, все усиливающийся голос. Это кучка фабричных. Впереди, размахивая руками, шагает угрюмый атлет рабочий, который сидел со мной на мосту. Я иду к ним по отмели навстречу.

— Нет, как он мог узнать, вот что! — останавливается он вдруг прямо против меня, повиди-

тому, узнавая во мне недавнего собеседника.— Говорили тогда ребята: раскидать надо ихние трубы... Вишь, нацелились в бога!.. От этого всей нашей стране может гибель произойти. Шутка ли: господь знамение посылает, а они в небо трубами... А как он, батюшко, прогневаётся, да вдруг сюда, в это самое место, полыхнет молнией?..

— Да, ведь, это сейчас пройдёт,— говорю я.

— Пройдёт, говоришь? Должны мы живы остаться?— Он спрашивает, как человек, потерявший плап действий и тяготеющий ко всякому решительно высказываемому убеждению.

— Конечно, пройдёт, и даже очень скоро.

— А как?

Я смотрю на часы.

— Да, должно быть, менее минуты ещё.

— Меньше минуты? И это узнали! Ах ты, господи-боже!..

Прошло не более 15 секунд. Все мы стояли вместе, подняв глаза кверху, туда, где все ещё продолжалась молчаливая борьба света и тьмы, как вдруг вверху, с правой стороны, вспыхнула искорка, и сразу лица моих собеседников осветились. Так же внезапно, как прежде он пабежал на нас, мрак убегает теперь к северу. Темное покрывало взметнулось гигантским взмахом в беспредельных пространствах, пробежало по волнистым очертаниям облаков и исчезло. Свет струится теперь, после темноты, ещё ярче и веселее прежнего разливаясь победным сиянием. Теперь земля оделась опять в те же бледные тени и страшные цвета, но они производят другое впечатление: то было угасание и смерть, а теперь наступало возрождение...

Солнце, солнце!.. Я не подозревал, что и на меня его новое появление произведет такое сильное, такое облегчающее, такое отрадное впечатление, близкое к благоговению, к преклопению, к молитве... Что это было: отзвук старого, залегающего в далеких глубинах каждого человеческого сердца преклопения перед источником света, или, проще, я почувствовал в эту минуту, что этот первый проблеск прогнал прочь густо столпившиеся призраки предрассудка, предрубеждения, вражду этой толпы?.. Мелькнул свет — и мы стали опять братьями... Да, не знаю, что это было, но только и мой вздох присоединился к общему облегченному вздоху толпы... Мрачный великан стоял с поднятым кверху лицом, на котором разливалось отражение рождавшегося света. Он улыбался.

— Ах ты, б-боже мой!.. — повторил он уже с другим, благодушным выражением. — И до чего только, братцы, народ дошел. Н-ну!..

Конец страхам, конец озлоблению. В толпе говор и шум.

— Должны мы господу благодарить... Дозволил нам живым остаться, батюшка!..

— А еще хотели остроумов бить. То-то вот глупость...

— А разве правда, что хотели бить? — спрашиваю я, чувствуя, что теперь можно уже свободно говорить это, без прежней напряженной целовкости.

— Да ведь это что: от питья это, от винного. Пьяненький мужичок первый и взбунто-

вался... Ну, да, ведь, ничего не вышло, слава-те господи!

— А у нас, братцы, мужики и без остроумов знали, что будет затмение,—выступает внезапно мужичок из-за Пучежа.— Ей-богу... Потому старики учили: ежели, говорят, месяц по зорям ходит,—непреренно к затмению... Ну, только в какой день — этого не знали... Это, нечего хвастать, было нам неизвестно.

— А они, видишь, как рассчитали. В аккурат! Как ихний маятник ударил, тут и началось...

— Премудрость...

— Затем и разум даден человеку...

— Вишь, и опять разыграло... Гляди, как разгорается.

— Содвигается тьма-то!

— Теперь сползет небось!

— Содвинется на сторону — и шабан.

— И опять радуется всякая тварь...

— Слава Христу, опять живы мы...

— А что, господа, дозвольте спросить у вас...— благодушно подходит в это время кто-то к самой оgrade. Но ближайший из наблюдателей нетерпеливо машет рукой: он смотрит и считает секунды.

— Не мешай! — останавливают из толпы. — Чего лезешь, — не видишь, что ли? Еще, ведь, не все кончилось.

— Отдай, отдай назад! Осади! — вполголоса, по уже без всякой внушительности, произносят городовые. Солдаты, ружья к ноге, посы кверху, с наивною неподвижностью тоже следят за солнцем. Гриша, торжествующий, смешался с толпой и имеет такой вид, как будто готов принимать поздравления с благополучным окончанием важ-

ного дела. Астрономическая наука приобрела в его лице ревностного адепта. Окруженный любопытными, от которых еще недавно слышал язвительные насмешки, он теперь объясняет им что-то очень авторитетно:

— Труба... она вещь не простая. Содвинь ее, уж она не действует. Она по звезде теперича ставится. Все одно ружейный прицел.

— Как можно содвинуть, вещь попятная!— ласково и как будто заискивающе поддакивают собеседники.

— Тонкая вещь!

— А не грех это, братцы?— раздается сзади нерешительный вопрос, оставшийся без отклика.

Солнце играет все сильнее; туман все более и более утончается, и уже становится трудно глядеть невооруженным глазом на увеличивающийся серп солнца. Чирикают примолкшие было птицы, луговая зелень на заречной стороне проступает все ярче, облака расцветаются... В настроении толпы недоверие, вражда и страхи умчались куда-то далеко вместе с пеленой полной течи, улетающей в беспредельное пространство...

Я ищу старика-скептика. Его нигде нет. Между тем, кое-где открываются окна, до тех пор закрытые ставнями или тщательно задернутые занавесками. Давешняя старушка робко отпирает свою закупоренную хибарку, высовывает сначала голову, оглядывается вдоль улицы, потом выходит наружу. К ней подбежала девочка лет двенадцати.

— Бабушка, бабушка, а я вот все видела!

— Ты зачем убежала, греховница, когда я не приказывала тебе?

Но девочка не слушает и продолжает с веселым возбуждением:

— Все видела, как есть. И никаких страстей не было. По небу стрелы пошли и потом солышко, слышь, темнеит, темне-и-ит...

— Ну?

— Ну и все потемнело. Задернулось вот и все одно... чугунным листом. Ей-богу, правда, как вот заслонка-те перед солнцем и стоит. А потом с другой-те стороны вдруг прыснуло и пошло выходить, и пошло тебе выходить, и опять рассветало.

Бабушка ворчит что-то, по старое брюзжание звучит уступчиво и тихо, а детский голос звенит с молодым торжеством.

Мы сидели уже на пароходе, когда последний след затмения соскользнул ни для кого уже незаметно с просиявшего солнечного диска.

В третьем классе в публичке живо ходила по рукам брошюра: «О солнечном затмении 7-го августа 1887 года»...

1887—92 г.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич предыл выдач _____

Тип. «Московский большевик». З 3928

000

1 руб.

